

работа большевиков в войсках и тылу белогвардейцев в период 1918–1920 гг. Л., 1977. С. 34.

11. Пропаганда и агитация в решениях и документах ВКП(б) ... С. 99.

12. Шульман Н. Г. Партийно-государственная агитация и пропаганда ... С. 134.

13. Женотдел организован в сентябре 1919 года.

14. Пропаганда и агитация в решениях и документах ВКП(б) ... С. 100.

15. Шульман Н. Г. Партийно-государственная агитация и пропаганда ... С. 112.

16. Шарапов Ю. П. Из истории идеологической борьбы при переходе к нэпу: мелкобуржуазный революционаризм – опасность «слева». 1920–1923. М., 1990. С. 94.

17. Декреты советской власти. Т. 10. М., 1980. С. 133.

18. Декреты советской власти. Т. 11. М., 1983. С. 222.

19. Там же.

20. Там же. С. 197–200.

21. Шульман М. Г. Партийно-государственная агитация и пропаганда ... С. 125.

22. Андреева М. С. Коммунистическая партия – инициатор создания и руководитель Главполит-

просвета // Вопросы истории КПСС. 1968. № 6. С. 81–82.

23. Шульман М. Г. Партийно-государственная агитация и пропаганда ... С. 127.

24. Там же. С. 249.

25. Андреева М. С. Коммунистическая партия – инициатор создания и руководитель Главполитпросвета ... С. 81–87.

26. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. М., 1983. С. 358–359.

27. Шарапов Ю. П. Из истории идеологической борьбы при переходе к нэпу ... С. 49.

28. Шульман М. Г. Партийно-государственная агитация и пропаганда ... С. 139.

29. Крупская Н. К. Итоги и перспективы работы политпросветов // Педагогические сочинения: в 10 т. Т. 7. М., 1959. С. 118–119.

30. Шульман М. Г. Партийно-государственная агитация и пропаганда ... С. 136–137.

31. Всебюровоенком – Всероссийское Бюро военных комиссаров; ПУР – Политуправление Реввоенсовета Республики (создано 26 мая 1919 г.).

32. Шульман М. Г. Партийно-государственная агитация и пропаганда ... С. 29.

A. S. BOCHKAREVA. FORMING OF AGITATION AND PROPAGANDA BODIES AND INSTITUTIONS IN SOVIET RUSSIA (1920S)

The article analyzes questions of forming of agitation bodies' system during post-October period.

Key words: ideology, cultural and educational work, agitation and propaganda institutions in 1920s.

С. А. КРОПАЧЕВ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ НА КУБАНИ В 1930–1940-Е ГОДЫ

В статье анализируются масштабы политических репрессий в регионе на основе данных «Книги памяти жертв политических репрессий по Краснодарскому краю» и других источников.

Ключевые слова: Кубань, репрессии 1930–1940-х годов, ОГПУ, НКВД.

Политические репрессии, активно использовавшиеся большевиками с 1917 года для реализации своих целей, приобрели массовый характер в 1930-е годы. Очередной виток национальной трагедии выразился в фабрикации сотен тысяч дел в отношении «врагов народа». В получивших чрезвычайные полномочия репрессивных органах шло соревнование за досрочное выполнение заданий сверху – «лимитов» по обезвреживанию «шпионов», «контрреволюционеров», «террористов». В каждом городе, районе кровавый маховик быстро набирал обороты. Несчастье не обошло стороной и Кубань.

Даже перечисление сфальсифицированных дел заставляет задуматься о масштабах и последствиях политических репрессий – наибольший размах пришелся на годы коллективизации.

В 1929–1930 годах органами ОГПУ была раскрыта «контрреволюционная повстанческая организация» в Мостовском районе: 140 хлеборобов-

единоличников приговорены к расстрелу, различным срокам лишения свободы и высылке [1].

В январе – феврале 1930 года Армавирский окружной отдел ОГПУ вел аресты казаков-единоличников в ряде станиц округа. Их обвиняли в причастности к «контрреволюционной повстанческой организации “Самозащита казачества”». Из 36 осужденных по 58-й статье УК РСФСР восемь приговорены к расстрелу, остальные – к различным срокам лишения свободы [2].

В 1930–1931 годах по обвинению в причастности к так называемой казачьей контрреволюционной повстанческой организации «Вызволнение» были репрессированы крестьяне-единоличники (331 чел.) из шести районов Кубани. Никакой опасности для сталинского режима они не представляли [3].

Отметим, что все сфабрикованные в отношении крестьян-единоличников дела конца 1920-х – начала 1930-х годов тесно связаны с началом

широкомасштабного ограбления деревни, названного центральной властью «сплошной коллективизацией».

В декабре 1930-го – январе 1931 года Кубанским оперсектором ОГПУ была «вскрыта» «контрреволюционная повстанческая организация «Лига освобождения казачества»», возникшая в Станице Елизаветинской и имевшая филиалы в Краснодаре и других населенных пунктах. Членов организации (их к моменту «ликвидации» насчитывалось 43 чел.) обвиняли в подготовке вооруженного восстания против советской власти, свергнуть которую они якобы намеревались при помощи иностранных государств. 23 июня 1931 года члены «Лиги» были приговорены к различным срокам лишения свободы [4].

В ноябре – декабре 1932 года органы ОГПУ сфабриковали дело о «повстанческо-вредительской организации», направленное против крестьян-единоличников. Было арестовано 138 чел. (подавляющее большинство – крестьяне) в основном из шести станиц – Курганной, Староджерелиевской, Полтавской, Анастасиевской, Таманской, Ивановской. К расстрелу приговорили 133 чел. (приговор приведен в исполнение в Ростове-на-Дону), к заключению в концлагерь сроком на девять лет – пятерых [5]. Эта преступная акция большевистского режима против сельских тружеников Кубани характерна для периода борьбы с «саботажем хлебопашества» в 1932–1933 годах.

В январе 1933 года ОГПУ Северокавказского края «вскрыл и ликвидировал» в районах Кубани, Дона, Ставрополя, Черноморья, Терека и Дагестана «монархическую церковно-повстанческую организацию», руководство которой якобы осуществлялось нелегальным «Южно-Русским Синодом» как преемником созданного по инициативе А. И. Деникина «Временного Высшего Церковного Управления» на Юге России. Только на Кубани из привлеченных по этому делу были расстреляны 28 чел. [6].

В январе 1934 года сотрудники ОГПУ Азово-Черноморского края «обезвредили и ликвидировали» северокавказский филиал «контрреволюционной организации «Российская национальная партия»», во главе которого были профессора и преподаватели Краснодарского пединститута. Им инкриминировали «создание руководящих пропагандистских кадров из националистически настроенных преподавателей и учащейся молодежи»; массовую пропаганду и индивидуальную агитацию «идеи национального освобождения большевистской России»; «широкое использование в интересах организации легальных возможностей в борьбе за распространение национал-фашистского влияния»; «формирование повстанческих ячеек из кулацко-белогвардейского казачьего элемента». Обвинения не были подкреплены доказательствами. В уголовном деле отсутствуют какие-либо конкретные материалы о подрывной деятельности. Всего по делу арестовано семь человек, в их числе профессора Краснодарского пединститута Р. К. Войчик, Г. Г. Григор, доцент Е. Н. Егоров, профессор истории М. В. Клочков, работавший до

ареста консультантом в хозяйственных органах. Пятеро приговорены к трем годам заключения в исправительно-трудовой лагерь, двое – к ссылке в Среднюю Азию и Казахстан на тот же срок [7].

Политические репрессии обрели наибольший размах в 1937–1938 годах. А. И. Солженицын утверждал, что Управление НКВД по Краснодарскому краю [8] считалось одним из самых жестоких в СССР. Власть рассматривала Кубань как очаг контрреволюции. Фактически массовые аресты в годы «большого террора» стали продолжением политики периода Гражданской войны.

30 июля 1937 года вышел оперативный приказ НКВД СССР № 00447 о создании республиканских, краевых и областных «троек» для рассмотрения дел в отношении бывших кулаков, членов антисоветских партий, белых, жандармов, чиновников, бандитов, реэмигрантов, участников различных контрреволюционных организаций, церковников, сектантов, уголовников и других антисоветских элементов. По мерам наказания выделялись две категории: наиболее враждебные элементы подлежали немедленному аресту и расстрелу; менее активных подвергали аресту и заключению в лагерь или тюрьмы на срок от восьми до десяти лет [9]. Поскольку чрезвычайный внесудебный орган («тройка») имел право выносить смертные приговоры, конвейер репрессий заработал на предельных оборотах. Приведем выдержки из письма и. о. прокурора Краснодарского края Л. А. Востокова Прокурору СССР А. И. Вышинскому (30 янв. 1938).

По Краснодарскому краю репрессировано по 1-й и 2-й категориям свыше 20 000 чел., члены семейств которых теперь <...> обращаются в краевую прокуратуру. Поток жалобщиков имеет тенденцию к постоянному увеличению и обещает в феврале-марте возрасти до больших размеров.

В тюрьмах края содержится под стражей 16 860 чел., при лимите в 2760 чел., налицо исключительная перегрузка, имело место уже появление инфекционных заболеваний заключенных в Краснодарской, Армавирской и Майкопской тюрьмах (сыпной и брюшной тиф) [10].

Важным направлением в деятельности органов НКВД была борьба с «вредительством» в народном хозяйстве. На I краевой партийной конференции в июне 1938 года начальник УНКВД по Краснодарскому краю И. П. Малкин, характеризуя обстановку, указал, что «враги народа» пробрались в партийные, советские и хозяйственные организации края, пытались разрушить Хадыженские нефтепромыслы, организовали крупное вредительство в цементной и маргариновой промышленности. В сельском хозяйстве они искусственно заражали скот эпидемическими заболеваниями, портили зерно, выводили из строя сельхозтехнику [11].

Главной задачей краевых органов НКВД стала борьба с так называемым явным или скрытым вредительством и саботажем. Все звенья партийных и советских органов настолько прониклись важностью поставленной цели, что осведомляли краевую власть даже о незначительных делах.

Например, 14 октября 1937 года бюро крайкома ВКП(б) рассмотрело вопрос «О диверсионном выведении из строя трактора ЧТЗ по Порошинской МТС». Было установлено, что в тракторной бригаде № 14 произошло возгорание трактора, работавшего на пахоте под озимые, в результате чего машина вышла из строя. Бюро поручило начальнику Управления НКВД по Краснодарскому краю И. П. Малкину и прокурору края Л. А. Востокову провести срочное расследование и «виновных в осуществлении этого вражеского диверсионного акта привлечь к строжайшей уголовной ответственности» [12].

Следующий документ показывает, что работы юстиции доходили порой до абсурда. Прокурор Тимашевского района Дубовский получил информацию о том, что «в Медведовской МТС небрежно были завинчены на тракторах болты, благодаря чему при пробе трактора болт выпал из своего места, попал между шестерней и выдавил крышку заднего моста. Принятыми мерами со стороны прокурора эти дефекты были ликвидированы» [13].

Прокуратура края требовала от подчиненных ей городских и районных структур активно выявлять вредителей в сельском хозяйстве, особенно во время посевной и уборочной кампаний. Так, 3 марта 1938 года в Кропоткинский горком партии поступил донос о том, что «нарсудья 3-го участка г. Кропоткина тов. Василенко не слушает уголовных дел по посевной кампании с февраля и считает, что слушать дела эти в настоящее время непolitично, так как это отразится на производстве». Краевой прокурор в докладной записке назвал судью «политическим невеждой, который не хочет понять политического значения весенней посевной кампании и этим тормозит борьбу за успешное проведение весеннего сева», и просил «обсудить вопрос о судьбе Василенко в партийном порядке» [14].

Некоторые аппаратные работники пытались протестовать, осознавая вредность подобного вмешательства в производство. В январе 1937 года на пленуме райкома ВКП(б) начальник Ладожского РО НКВД Волгин заявил, что сотрудников обязали привлекать к ответственности директоров МТС за малейшие недостатки в работе машинно-тракторных станций. «Это характеризовало беспомощность в руководстве и говорило о том, что люди не знают практических методов ликвидации тех или иных недостатков. НКВД борется с контрреволюцией, а секретари (райкомов партии. – С. К.) старались использовать НКВД для воздействия на директоров МТС и других руководителей-коммунистов. Методы запугивания – это не руководство» [15]. Свою точку зрения отстаивал секретарь Кагановичского РК ВКП(б) г. Краснодара Кацнельсон: «Вредитель, которого посадили органы НКВД, не сразу скажет, где он вредил <...> Нам надо посмотреть то место: где больше всего неполадок, значит, там и вредили» (выступление на горпартактиве 24 июня 1937 г.) [16]. Эти немногочисленные голоса не были услышаны; главным стало выполнение указаний

сталинского руководства, старавшегося списать на происки оппозиции все неудачи в народном хозяйстве.

Когда в октябре 1938 года на комбикормовом заводе станицы Гулькевичи произошел взрыв и от пожара пострадали люди, руководители предприятия практически сразу же были арестованы как «активные участники антисоветской вредительско-диверсионной организации». Через два месяца против них выдвинули новое обвинение – подготовка террористического акта, направленного на устранение Сталина. В связи с этим арестовали секретаря Гулькевичского РК ВКП(б) В. Л. Фищева. 7–11 мая 1939 года состоялся открытый суд (по стандартным сценариям, отшлифованным во время московских «показательных» процессов 1936–1938 годов и растиражированным по всей стране). Семь человек были приговорены к расстрелу, двое – к 25 годам лишения свободы [17]. Суровость наказания можно объяснить тем, что в день убийства Кирова (1 дек. 1934 г.) ЦИК СССР принял Постановление об особом порядке ведения дел о террористических организациях и актах против работников советской власти. Сроки следствия сокращались до 10 дней, обвинительное заключение вручалось подследственному за сутки до суда, дело рассматривалось без прокурора и адвоката. Кассационные жалобы и подача ходатайств о помиловании не допускались – приговор к высшей мере наказания должен был приводиться в исполнение сразу после его оглашения. Максимальный срок лишения свободы по делам о государственных преступлениях увеличивался с 10 до 25 лет [18].

17 ноября 1938 года СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли совместное постановление «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», формально критиковавшее «упрощенное ведение следствия и суда», «установление лимитов (заданий. – С. К.) для производства массовых арестов», фабрикации допросных документов и др. [19]. Однако это не стало препятствием для массового произвола и насилия, не изменило сущности советского тоталитарного режима.

В октябре 1940 года Управлением НКВД по Краснодарскому краю была «вскрыта» и «ликвидирована» «контрреволюционная повстанческая организация», якобы существовавшая в станице Пашковской. К уголовной ответственности привлекли семь человек, которые, собираясь небольшими группами (по два-три участника), обменивались мнениями – «обсуждали все вопросы, связанные с задачей организации по подготовке вооруженного восстания против советской власти. Оружие планировалось получить от интервентов непосредственно в момент восстания» [20], после нападения капиталистических государств на СССР. Пятеро обвиняемых были приговорены к различным срокам лишения свободы, двое – к расстрелу, который затем заменили десятилетним сроком с лишением избирательных прав на пять лет после отбытия наказания.

Анализ многочисленных документов подтверждает: все они были сфабрикованы по зада-

нию центральных и местных парткомов, чтобы оправдать жестокость командной системы и репрессивных органов, убедить в том, что власть ведет борьбу с врагами народа, вредителями, шпионами. Московские «показательные процессы» рождали цепь подобных дел на местах. Аварии, пожары, технологические просчеты, неурожай, сбой в хлебозаготовках – все списывалось на «заговоры контрреволюционных организаций». Для упомянутых дел характерны подлоги, лжесвидетельства, клевета, всевозможные фальсификации, тенденциозный допрос, необъективный подбор свидетелей и вообще всех материалов дела. Большинство подсудимых испытывали на себе психологическое и моральное давление, побои, пытки, издевательства. Вот что писал из заключения своим родителям тридцатичетырехлетний М. Яцук, заместитель директора Гулькевичского комбикормового завода, осужденный на 25 лет за участие во вредительско-диверсионной организации (в периодике тех лет она также именовалась «антисоветской правотроцкистской»): «Если бы Вы увидели мое тело и ногти, то Вы бы убедились, какой я враг. Пройдет время, и Вы узнаете, что я не виноват, и прошу Вас, не отказывайтесь от меня» [21]. Масштабы репрессий ярко иллюстрирует следующий факт. Только за один день (20 ноября 1937 г.) «тройкой» УНКВД по Краснодарскому краю было рассмотрено 1252 уголовных дела [22].

Острые мечи пролетарской революции направлялось против тех, кто представлял явную или скрытую опасность для режима. Истреблялись работающие крестьяне-единоличники, способные прокормить себя (и потому зажиточные, не желавшие вступать в колхоз: у колхозника, как известно, отнять хлеб значительно проще). Были уничтожены либо изгнаны за границу те, кто обладал материальным или духовным капиталом: старая российская творческая и научно-техническая интеллигенция, духовенство – словом, все, кто мог самостоятельно мыслить и критически оценивать события после октября 1917 года.

Не менее горькую чашу испили «внутренние эмигранты» – лица нерусской национальности. В ходе «национальных» операций НКВД СССР в 1937–1938 годах были репрессированы потомки переселенцев, проживавших компактными группами. С июня 1937-го по январь 1938 года сотрудники Ейского РОВД арестовали 30 работников колхоза «Нойвег» («Новый путь») за причастность к так называемой «фашистской националистической повстанческой организации». Этих жителей села Воронцовка обвинили в антисоветской агитации и вредительстве, разложении трудовой дисциплины, клевете на советскую власть. Во время следствия они «сознались» и были приговорены к высшей мере наказания – расстрелу [23].

12 августа 1941 года СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли совместное Постановление, на основании которого 28 августа был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Депортация затронула и другие регионы, в

частности – Краснодарский край [24]. Подобная участь постигла немцев сел Джигинское Анапского и Ванновское Тбилисского районов, поселков Рота-Фане Новокубанского и Нойдорф Калининского районов. Во второй половине 1941 года из Краснодарского края в общей сложности депортировано 40 636 граждан немецкой национальности [25].

В октябре 1937 года Управление НКВД по Краснодарскому краю «ликвидировало контрреволюционную националистическую группу лиц польской национальности “Польска организация войскова”» [26]. Утверждалось, что польские разведывательные органы направляли ее деятельность «по линии шпионажа, диверсий, террора и подготовки восстания на Кубани». Только в Краснодаре с января 1937-го по февраль 1938 года по этому делу арестовали свыше 300 чел. (как выяснилось позднее, списки были составлены на основе данных адресного стола). Производились аресты и в других городах и районах края. По предъявленным обвинениям, не подтвержденным сотрудниками военной прокуратуры в период «оттепели», 191 гражданин польской национальности был приговорен к расстрелу [27].

В ночь на 28 июля 1938 года сотрудники УНКВД арестовали на территории Отраденского района (колхоз «Ус-Тее» в селе Ново-Эстонька и колхоз «Вейтлус» на хуторе Банатовском) более 120 жителей, в основном мужчин, за участие в «Эстонской националистической контрреволюционной диверсионно-шпионской и террористической организации», вредительство, сбор разведсведений и «вооруженное выступление против Советской власти в случае нападения на СССР капиталистических государств». Улик для ареста, судя по материалам следственного дела, не имелось, но под давлением допрашиваемые дали показания, на основании которых 4 октября 1938 года в Краснодаре были расстреляны 36 эстонцев. Семьи лишились кормильцев, хозяйства – добросовестных работников. Женщины, старики, дети, встав на место мужчин, работали от зари до зари. Но ноша оказалась непосильной, колхозы ослабели и распались. В селе Ново-Эстонька была закрыта эстонская школа; даже занятия в коллективах художественной самодеятельности разрешалось проводить только на русском языке. Эстонцы под любым предлогом стремились покинуть Кубань [28].

Удар был нанесен и по греческой диаспоре. В феврале 1938-го ликвидирован Греческий район, существовавший на Кубани с 1930 года. Многие греки подверглись репрессиям исключительно из-за национальной принадлежности; следовательно заставляли их сознаваться в несовершеннолетних преступлениях. Когда набиралось достаточное количество арестованных, дела объединяли. Так и возникало «крамольное гнездо» – например, «Греческая контрреволюционная националистическая повстанческая диверсионно-шпионская и террористическая организация» (из 77 арестованных в 1937–1938 гг. большинство получило высшую меру наказания, некоторым были назначены дли-

тельные сроки) [29]. В ходе осуществления греческой операции на Кубани репрессировано от 5500 до 6500 чел. [30]. Репрессии НКВД в отношении греков продолжились и в 1940-е годы. В несколько этапов («волн») из Краснодарского края, Крыма, Украины, Закавказья было насильственно переселено около 60 000 чел. [31].

В настоящее время невозможно назвать общее количество лиц, репрессированных по политическим и религиозным мотивам после октября 1917 года, жертв голода начала 1920-х и начала 1930-х, середины 1940-х, раскулачивания, расказачивания и массовых депортаций. За 1989–2005 годы в крае пересмотрено 41 700 уголовных дел, заведенных на 57 950 чел. (43 650 реабилитировано; в реабилитации отказано 14 300 осужденным) [32].

Без ликвидации «белых пятен» в нашей истории, без объективного изучения прошлого невозможно понять причины тяжелых деформаций российского общества, принесших горе и страдания миллионам соотечественников.

Литература и примечания

1. Кубанские новости. 1992. 23 июля, 20 авг., 24 сент., 22 окт.
2. Там же. 1992. 23 июля.
3. Там же. 1992. 16, 23, 30 апр., 7, 14 мая.
4. Там же. 1992. 2 июля.
5. Книга Памяти жертв политических репрессий по Краснодарскому краю. Краснодар, 2005. С. 5.
6. Там же. С. 6.
7. Кубанские новости. 1992. 12 мар.
8. Образовано приказом по НКВД СССР 29 сент. 1937 г. на базе Кубанского оперативного сектора НКВД в связи с выделением Краснодарского края из состава Азово-Черноморского края. Начальником УНКВД был назначен майор госбезопасности И. П. Малкин, его заместителем – М. Г. Сербинов (Левит).
9. Перечень «антисоветских элементов», подлежащих репрессиям, см.: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М., 2004. С. 274.
10. Краснодарский край в 1937–1941 гг.: документы и материалы. Краснодар, 1997. С. 691–693.
11. Книга Памяти жертв политических репрессий ... С. 7.
12. Там же.
13. Мартианов В. Е. Роль органов НКВД и НКЮ в осуществлении надзора за народным хозяйством СССР на местах в 1930-е годы (на материалах Краснодарского края) // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР: материалы I регион. науч. конф. Краснодар, 2003. С. 45.
14. Книга Памяти жертв политических репрессий ... С. 7.
15. Там же.
16. Там же.
17. Кубанские новости. 1992. 21 мая, 4 июня.
18. Кропачев С. А. Хроника коммунистического террора: в 2 ч. Ч. 1. 1917–1940 гг. Краснодар, 1995. С. 39–40.
19. Там же. С. 49.
20. Кубанские новости. 1992. 12 мар.
21. Там же. 21 мая.
22. Там же. 20 февр.
23. Там же. 4, 18 июня.
24. Ауман В. А., Чеботарева В. Г. История российских немцев в документах: в 2 т. Т. 1. М., 1993. С. 164–165.
25. Кропачев С. А. Большой террор на Кубани. Драматические страницы истории края 30–40-х гг. Краснодар, 1993. С. 28. Существуют и другие оценки количества депортированных немцев. По данным А. С. Хунагова, с территории Краснодарского и Ставропольского краев вначале Великой Отечественной войны выселено 79 800 граждан немецкой национальности. См.: «Выселить без права возвращения...»: депортация народов Юга России. 20–50-е гг. (на материале Краснодарского и Ставропольского краев). Майкоп, 1999. С. 90–92.
26. Кропачев С. А. Большой террор на Кубани ... С. 32.
27. Там же. С. 28; Книга Памяти жертв политических репрессий ... С. 10.
28. Там же.
29. Кропачев С. А. Большой террор на Кубани ... С. 29–30.
30. Джуха И. Г. Греческая операция. История репрессий против греков в СССР. СПб., 2006. С. 396.
31. Джуха И. Г. Греческая операция НКВД // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. Роль СССР во Второй мировой войне – неизвестные и малоизученные страницы: материалы IV Всерос. науч. конф. Краснодар, 2006. С. 98.
32. Книга Памяти жертв политических репрессий ... С. 11.

S. A. KROPACHEV. POLITICAL REPRESSIONS ON KUBAN TERRITORY IN 1930–1940S

The article analyzes scale of the political repressions in Krasnodar region, basing on the data of the «Book of recollection of the victims of political repressions in Krasnodar region» and on other sources.

Key words: *Kuban, repressions in 1930–1940s, OGPU, NKVD.*

